

Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе

Аннотация. В Каспийском регионе сосредоточены огромные запасы нефти и газа. Сложность реализации трансграничных трубопроводных проектов по дну Каспийского моря связана не только с особым правовым статусом данного водоема, но и с различными интересами и политико-правовыми позициями прикаспийских и некаспийских государств. Основной целью статьи является выявление и оценка международно-правовых механизмов, регулирующих строительство и функционирование трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе.

Научная новизна работы заключается в выявлении пробелов и проблем применения положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., касающихся трубопроводов, а также в комплексном сравнительно-правовом анализе положений международных договоров, регулирующих строительство и функционирование таких трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе, как нефтепроводы Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса, газопровод «Набукко». Авторы раскрыли значение международного права в реализации трубопроводных проектов в Каспийском регионе, выявили механизмы, позволяющие обеспечить баланс интересов с одной стороны участвующих в таких проектах государств и с другой стороны — государств и операционных партнеров. Результаты исследования могут быть применены при подготовке дополнений к Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. относительно правового режима трубопроводов в Каспийском море, а также проектов соглашений по новым энергетическим проектам в Каспийском регионе и Евразийском регионе в целом.

Ключевые слова: трубопровод; правовой режим трансграничных трубопроводов; Каспийский регион; международное энергетическое сотрудничество; международные договоры; нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан; нефтепровод Баку — Супса; газопровод Набукко; транзит энергоносителей; свобода транзита; международное энергетическое право; международное право.

© Гликман О. В., Мамедов Л. Р., 2024

* Гликман Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
glikman@mail.ru

** Мамедов Лятиф Рустам оглы, аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
latif0170@gmail.com

Для цитирования: Гликман О. В., Мамедов Л. Р. Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 119–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.119-131.

Mechanisms of International Legal Regulation of Transboundary Pipeline Projects in the Caspian Region

Olga V. Glikman, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law, MGIMO University
glikman@mail.ru

Latif R. Mammadov, Postgraduate Student, Department of International Law, MGIMO University
latif0170@gmail.com

Abstract. The Caspian region contains huge reserves of oil and gas. The complexity of implementing transboundary pipeline projects along the bottom of the Caspian Sea is associated not only with the special legal status of this body of water, but also with the different interests and political and legal positions of the Caspian and non-Caspian states. The main objective of the paper is to identify and assess the international legal mechanisms regulating the construction and operation of transboundary pipelines in the Caspian region.

The scientific novelty of the work lies in identifying gaps and problems in the application of the provisions of the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea concerning pipelines, as well as in a comprehensive comparative legal analysis of the provisions of international treaties regulating the construction and operation of such transboundary pipelines in the Caspian region as the Baku-Tbilisi-Ceyhan and Baku-Supsa oil pipelines and the Nabucco gas pipeline. The authors revealed the importance of international law in the implementation of pipeline projects in the Caspian region, and identified mechanisms that allow for a balance of interests between the states participating in such projects, on the one hand, and the states and operating partners, on the other. The results of the study can be applied in the preparation of amendments to the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea regarding the legal regime of pipelines in the Caspian Sea, as well as draft agreements on new energy projects in the Caspian region and the Eurasian region as a whole.

Keywords: pipeline; legal regime of transboundary pipelines; Caspian region; international energy cooperation; international treaties; Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline; Baku-Supsa oil pipeline; Nabucco gas pipeline; transit of energy resources; freedom of transit; international energy law; international law.

Cite as: Glikman OV, Mammadov LR. Mechanisms of International Legal Regulation of Transboundary Pipeline Projects in the Caspian Region. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):119-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.119-131.

Введение

Каспийский регион, образующий вместе с регионом Персидского залива «мировой энергетический эллипс»¹, отличается богатым энергетическим потенциалом. С международно-правовой точки зрения определение Каспийского региона и состава его участников имеет

первостепенное значение для понимания того, какие трансграничные трубопроводы считать каспийскими или находящимися в Каспийском регионе.

Понятие «Каспийский регион» юридически не закреплено, соответственно, юридически не закреплены и границы данного региона. Специалисты в области международных отно-

¹ Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. М. : Международные отношения, 2009. С. 7–11.

шений, регионоведения и политологии ведут дискуссии об определении границ Каспийского региона и состава его участников. Существуют две концепции о составе участников Каспийского региона:

1) государствами данного региона являются только пять прибрежных к Каспийскому морю государств — Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан²;

2) к государствам данного региона относятся не только пять прибрежных к Каспийскому морю государств, но и государства, государственные границы которых примыкают к государственным границам государств «Каспийской пятерки»³.

Наиболее юридически корректной представляется первая концепция, поскольку именно прибрежные к Каспийскому морю государства определяли и в настоящее время определяют правовой статус Каспийского моря и режим использования его ресурсов.

Регулирование прокладки трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе — один из ключевых актуальных вопросов международного энергетического сотрудничества, который затрагивает противоречивые геополитические и экономические интересы как каспийских, так и некаспийских государств.

Нормы Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, закрепляющие правовой режим трубопроводов

В Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г.⁴ (далее — Конвенция 2018 г.) трубопроводным вопросам уделено особое значение.

В международно-правовых исследованиях было отмечено, что статья 14, «касающаяся прокладки подводных трубопроводов и кабелей, является наиболее желанной для энергетических аналитиков, поскольку она может существенно изменить варианты поставок газа в Европу»⁵. При этом сделан весьма обоснованный прогноз относительно того, что прокладка подводных трубопроводов по дну Каспийского моря в перспективе может стать проблемой⁶.

Для определения современного правового режима трубопроводов по дну Каспийского моря необходимо учитывать следующие положения Конвенции 2018 г.:

1. В Конвенции используются термины «трубопроводы», «подводные трубопроводы», «подводные магистральные трубопроводы», но соответствующие понятия в документе не закреплены, их соотношение не вполне ясно. Было бы желательно исключить эту правовую неопределенность в тексте Конвенции 2018 г.

2. Акватория Каспийского моря разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство (ст. 5). Для этих целей отдельным соглашением между всеми сторонами должна быть определена методика установления прямых исходных линий. На внутренние воды и территориальные воды распространяется суверенитет прибрежного государства, в рыболовной зоне прибрежное государство обладает исключительным правом на промысел водных биологических ресурсов, общее водное пространство находится в пользовании всех сторон Конвенции (ст. 1). Дно и недра Каспийского моря разграничиваются иначе — на секторы по договоренности сопредельных и противолежащих госу-

² Косов Г. В., Литвишко О. М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. 2015. № 6 (36). С. 114.

³ Жильцов С. С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений (90-е годы XX века) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. М., 2004. С. 17.

⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561355353> (дата обращения: 01.04.2024).

⁵ Нусенова А. Ж. Правовой статус Каспийского моря: право на недропользование // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С. 367.

⁶ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // Труды ВНИРО. 2018. № 174. С. 139.

дарств в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр (ст. 1 и 8).

Таким образом, правовой режим пространств Каспийского моря, которые должны быть разделены по двум различным принципам (с одной стороны, применительно к акватории; с другой — ко дну и недрам), существенно различается. При этом правовой режим трубопроводов (участков трубопроводов) Каспийского моря напрямую зависит от правового режима пространств Каспийского моря, в которых расположены данные объекты (участки данных объектов). Однако Конвенция 2018 г. не вступила в силу (ее не ратифицировал Иран), соглашение о методике установления прямых исходных линий до настоящего времени не заключено. Кроме того, Россия, Казахстан и Азербайджан еще до подписания Конвенции 2018 г. заключили соглашения о разграничении дна и недр северной части Каспийского моря на секторы (зоны) посредством двусторонних соглашений, а южная часть дна и недр Каспия до сих пор не разграничена.

3. Стороны вправе прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря (п. 1 ст. 14).

В исследованиях был сделан вывод о том, что «свобода прокладки трубопроводов не является бесспорной»⁷. При этом существуют и иные позиции, согласно которым закрепленный в Конвенции 2018 г. подход не предусматривает согласия всей «Каспийской пятерки»⁸, что для прокладки трубопровода требуется согласование лишь с той стороной, через сектор дна которой пройдет трубопровод и что «формально

это открывает возможность для строительства Транскаспийского газопровода из Туркмении, а также из Казахстана и Узбекистана в Азербайджан»⁹.

Однако из толкования ст. 14 Конвенции 2018 г. следует, что право сторон прокладывать подводные магистральные трубопроводы по дну Каспийского моря не носит абсолютного характера — оно ограничено двумя условиями¹⁰.

Во-первых, согласно п. 2 ст. 14 это право может быть реализовано «при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, участницами которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы к ней». При этом также не вступил в силу подписанный в 2018 г. Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря, который закрепляет процедуры оценки воздействия планируемой деятельности, в которых участвуют все прикаспийские государства. Согласно данному Протоколу решения должны приниматься «консенсусом и при наличии сомнений любая из прикаспийских стран может заблокировать прокладку трубопроводов»¹¹.

Во-вторых, в соответствии с п. 3 ст. 14 «определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов осуществляется по согласованию со стороной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод». Отсюда следует, что достижение согласия с соответствующим государством является важным условием для реализации проекта по прокладке магистрального трубопровода. В литературе отмечено, что Конвенция 2018 г.

⁷ Толстых В. Л. Международно-правовой режим Каспийского моря: динамика и проблемы квалификации // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 124.

⁸ Мамедов Р. Ф. Международно-правовое содержание и значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (2). С. 188.

⁹ Батырь В. А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 56.

¹⁰ Молчаков Н. Ю., Гликман О. В. Разведка и разработка нефтегазовых ресурсов в Каспийском море: вопросы правового регулирования // Сравнительная политика. 2022. № 13 (1–2). С. 68.

¹¹ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Указ. соч. С. 139.

исходит из принципа, согласно которому «последнее слово остается за государством-транзитером»¹².

Таким образом, пункт 1 ст. 14 Конвенции 2018 г., не содержащий каких-либо условий реализации права сторон прокладывать подводные трубопроводы, должен толковаться комплексно — вместе с п. 2 и 4 ст. 14, т.е. нужно учитывать ограничения в реализации данного права сторон.

Из пункта 1 ст. 14 Конвенции 2018 г. можно сделать также вывод о том, что некаспийские государства не обладают правом прокладки трубопроводов по дну Каспийского моря. Однако это прямо не закреплено в Конвенции, в связи с чем пункт 1 ст. 14 может толковаться и иначе. Возникает вопрос: вправе ли некаспийское государство заключить международный договор о сотрудничестве в прокладке трубопровода по дну Каспийского моря с некаспийским государством? Иными словами, возможен ли международно-правовой механизм, обеспечивающий участие некаспийского государства в реализации права каспийского государства прокладывать трубопровод по дну Каспийского моря?

4. Согласно п. 2 ст. 12 каждая сторона в пределах своего сектора осуществляет юрисдикцию в отношении «своих подводных кабелей и трубопроводов». В такой формулировке не указано, кто в пределах сектора стороны осуществляет юрисдикцию в отношении иных подводных кабелей и трубопроводов, т.е. «не своих», а проложенных другим каспийским государством. Такой правовой пробел представляется существенным.

5. Пункт 8 ст. 11 закрепляет право стороны принимать в соответствии с положениями Конвенции 2018 г. и другими нормами международного права законы и правила, относящиеся к проходу через территориальные воды, в том числе в отношении защиты трубопроводов. В пункте 4 ст. 14 закреплено также обязательство прибрежного государства сообщать всем

сторонам географические координаты районов прохождения трасс подводных кабелей и трубопроводов в своем секторе, «где не допускается постановка на якорь, ловля рыбы придонными орудиями лова, подводные и дноуглубительные работы и плавание с вытравленной якорь-цепью». Более широких норм о защите трубопроводов как особых объектов в различных пространствах Каспийского моря в Конвенции 2018 г. не содержится.

В литературе уже высказано мнение, что Конвенция 2018 г. должна иметь приложение «Правила по охране подводных кабелей и трубопроводов»¹³. Такая позиция заслуживает поддержки и развития, поскольку трубопроводы в Каспийском море являются объектами, повреждение которых способно причинить существенный ущерб уникальной окружающей среде данного водоема.

Механизмы правового регулирования отдельных трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе

При реализации многих трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе, как и в других регионах Евразийского континента, активно используются нормы международного права. Именно международные договоры, заключаемые между правительствами государств, по территории которых планируется прокладка трансграничного трубопровода, выступают в качестве правовой основы реализации соответствующего проекта. К примеру, международно-правовой основой строительства и эксплуатации Трансанатолийского газопровода из системы газопроводов «Южного газового коридора» выступает *Соглашение между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Турецкой Республики о продаже газа Турецкой Республике, о транзите природного газа из Азербайджанской Республики через*

¹² Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 15.

¹³ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Указ. соч. С. 140.

территорию Турецкой Республики и строительстве трубопровода для осуществления такого транзита от 25.10.2011¹⁴.

Кроме того, в случае расширения трансграничного трубопровода (прокладки дополнительных участков на территории иного государства, новых веток), заключается международный договор, регулирующий присоединение соответствующего государства. К примеру, Казахстан присоединился к проекту по транспортировке нефти посредством нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан на основании Договора по поддержке и содействию транспортировки нефти из Республики Казахстан через Каспийское море и территорию Азербайджанской Республики на международные рынки посредством системы Баку — Тбилиси — Джейхан, подписанного 16 июня 2006 г.¹⁵

В ряде случаев заключению международного договора о прокладке трубопровода в Каспийском регионе предшествовало заключение международного договора о транспортировке нефти или газа либо о сотрудничестве в области продажи энергоносителей. Так, для реализации проекта по газопроводу Баку — Тбилиси — Эрзурум 12 марта 2001 г. было подписано Соглашение между Турцией и Азербайджанской Республикой о поставке азербайджанского природного газа в Турцию¹⁶, а спустя 6 месяцев, 29 сентября 2001 г., было подписано Соглашение между Азербайджанской Республикой и Грузией о транзите и транспортировке природного газа через территории двух государств посредством Южно-Кавказского

трубопровода и продаже газа на территории Грузии¹⁷.

Одним из механизмов международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов является включение в международный договор не только норм о строительстве трубопровода, но и норм, регулирующих транспортировку нефти или газа. В Каспийском регионе такой механизм был, в частности, предусмотрен в подписанном 20 декабря 2007 г. Соглашении между Правительством Республики Казахстан, Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода¹⁸.

В большинстве случаев строительство и эксплуатация трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе регулируются, с одной стороны, международными договорами государств — участников таких проектов, а с другой стороны, соглашениями между правительствами государств — участников того или иного проекта и операционными партнерами. Ими выступают крупные нефтегазовые компании — юридические лица, чья деятельность связана с вложением инвестиций в строительство и реализацию трубопроводных проектов.

Например, с целью реализации проекта по газопроводу «Набукко» были заключены Соглашение между Австрией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Турцией по газопроводу «Набукко» от 13.07.2009¹⁹ (далее — Соглашение «Набукко») и соглашения между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операцион-

¹⁴ URL: <https://e-qanun.az/framework/24714> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁵ URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000035_ (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁶ Agreement between the Republic of Turkey and the Azerbaijan Republic concerning the delivery of Azerbaijan natural gas to the Republic of Turkey. 12.03.2001 // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁷ Agreement between Georgia and the Republic of Azerbaijan relating to the transit, transportation and Sale of natural gas in and beyond the territories of Georgia and the Azerbaijan Republic through the South Caucasus pipeline system. 29.09.2001 // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁸ URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000160_ (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁹ Agreement among the Republic of Austria, the Republic of Bulgaria, the Republic of Hungary, Romania and the Republic of Turkey regarding the Nabucco Project. 13.07.2009 // URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/RegV/REGV_COO_2026_100_2_559129/COO_2026_100_2_561360.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

ными партнерами²⁰ (BOTAS, Bulgarian Energie Holding, Transgaz, MOL, OMV и RWE, создавшие совместную операционную компанию Nabucco Gas Pipeline International GmbH). Строительство и эксплуатация нефтепровода Баку — Супса регулируются *Соглашением между Азербайджанской Республикой и Грузией о развитии и реконструкции некоторых уже существующих объектов транспортировки нефти, развитии новых объектов для такой цели и транспортировке нефти через такие объекты по территории Грузии на мировые рынки от 08.03.1996*²¹ (далее — Соглашение по нефтепроводу Баку — Супса) и *соглашением между правительством Грузии и операционными партнерами*²² (Amoco Caspian Sea Petroleum Limited, BP Exploration Limited, Delta Nimir Khazar Limited, Den Norske Stats Oljeselskap a.s., Exxon Azerbaijan Limited, Oil Company Lukoil, McDermott Azerbaijan Inc, Pennzoil Caspian Corporation, Ramco Hazar Energy Limited, The Stase Oil Company of the Azerbaijan Republic, Turkiye Petrolleri A. O., Unocal Khazar LTD).

Примечательно, что в ряде случаев нормы, регулирующие отношения между государ-

ствами и операционными партнерами, включаются в текст международного договора в качестве приложения. Например, *Соглашение между Азербайджанской Республикой, Грузией и Турецкой Республикой о транспортировке сырой нефти по территории Азербайджанской Республики, Грузии и Турецкой Республики по магистральному экспортному трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан от 18.11.1999*²³ (далее — Соглашение по нефтепроводу БТД) имеет три приложения — *соглашения между правительствами государств — участников Соглашения по нефтепроводу БТД и операционными партнерами*²⁴ (BP, SOCAR, Chevron, Statoil, TPAO, Total, Eni, Itochu, ExxonMobil, Inpex, ONGC); *Соглашение между Азербайджанской Республикой и Грузией о транзите и транспортировке природного газа через территории двух государств посредством Южно-Кавказского трубопровода и продаже газа на территории Грузии от 29.09.2001* имеет два приложения — *соглашения между правительствами государств — участников Соглашения по Южно-Кавказскому трубопроводу и операционными партнерами*²⁵.

²⁰ URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/Agreements_on_Oil_and_Gas_Pipelines.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

²¹ Agreement between Azerbaijan Republic and Georgia Relating to the Development and Refurbishment of Certain Existing Petroleum Transportation Facilities, the Development of New Petroleum Transportation Facilities, and the transportation of Petroleum via Such Facilities Beyond the Territory of Georgia. 08.03.1996 // URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/Agreements_on_Oil_and_Gas_Pipelines.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

²² Host Government Agreement among the Government of Georgia and the Project Investors // URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/Agreements_on_Oil_and_Gas_Pipelines.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

²³ Agreement among the Azerbaijan Republic, Georgia and the Republic of Turkey relating to the transportation of petroleum via the territories of the Azerbaijan Republic, Georgia and the Republic of Turkey through the Baku-Tbilisi-Ceyhan Main Export Pipeline. 18.11.1999 // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 02.04.2024).

²⁴ Host Government Agreement between and among the Government of Georgia and MEP Participants; Host Government Agreement between and among the Government of Republic of Turkey and MEP Participants; Host Government Agreement between and among the Government of the Azerbaijan Republic and MEP Participants // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 02.04.2024).

²⁵ Host Government Agreement between and among the Government of Georgia and SCP Participants; Host Government Agreement between and among the Government of the Republic of Azerbaijan and SCP Participants // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 02.04.2024).

Примечательно, что такой механизм сочетания публично-правового и частноправового регулирования сходен с механизмом, предложенным Секретариатом Энергетической хартии (создан на основании Договора к Энергетической хартии, в котором из прикаспийских государств участвуют Азербайджан, Казахстан и Туркменистан²⁶). Секретариат Энергетической хартии в 2008 г. разработал два вида типовых соглашений: Типовое межправительственное соглашение и Типовое соглашение с правительством принимающей страны²⁷. Данные соглашения обладают рекомендательным характером²⁸, «не имеют силы международного договорного обязательства или обязательства, вытекающего из международного обычая»²⁹. Они широко используются в качестве образцов при составлении текстов соглашений для реализации трансграничных трубопроводных проектов.

Уникальной чертой такого механизма является то, что операционные партнеры проектов получают гарантии со стороны государств — участников соглашений³⁰. Таким образом, данные два вида соглашений, дополняя друг друга, исключают разногласия между различными по статусу сторонами, обеспечивая стабильное и взаимовыгодное сотрудничество³¹.

В международные договоры, регулирующие строительство и эксплуатацию трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе, зачастую включаются следующие положения.

1. Сотрудничество в области строительства и эксплуатации трансграничных трубопроводов. В преамбулах Соглашения по

нефтепроводу БТД, Соглашения «Набукко», Соглашения по нефтепроводу Баку — Супса и в соглашениях между правительствами государств — участников данных соглашений и операционными партнерами признается желание, готовность и стремление каждого государства — участника трубопроводного проекта привлекать, поощрять и защищать инвестиции операционных партнеров в строительство и эксплуатацию трубопроводов для транспортировки углеводородов, а также желание и готовность операционных партнеров вложить инвестиции в реализацию данных трубопроводных проектов для обеспечения безопасной и бесперебойной транспортировки углеводородов по территориям государств-участников. Таким образом, и государства-участники, и оперативные партнеры берут на себя обязательство по оказанию содействия строительству и эксплуатации трансграничного трубопровода.

2. Регулирование свободы транзита. Гарантии соблюдения принципа свободы транзита, нашедшего отражение в соглашениях, составляющих международно-правовую основу реализации трубопроводных проектов, является фундаментом благоприятного сотрудничества сторон в области строительства трубопроводов³².

В Соглашении по нефтепроводу БТД, Соглашении «Набукко», Соглашении по нефтепроводу Баку — Супса и в соглашениях между правительствами государств — участников данных соглашений и операционными партнерами признается важность обеспечения принципа свободы

²⁶ Участники Договора к Энергетической хартии // URL: <https://www.energychartertreaty.org/treaty/contracting-parties-and-signatories/> (дата обращения: 03.04.2024).

²⁷ URL: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ma2-ru.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).

²⁸ *Gayling-Westphal B.* Intergovernmental Agreements and Host Government Agreements on Oil and Gas Pipelines. A Comparison / Energy Charter Secretariat. 2015. P. 34.

²⁹ *Уршуля М.* Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., С. 81.

³⁰ *Kaya I. S.* Evaluation of Tanap Agreements in Terms of International Law and Expropriation Law // *Bilig*. 2017. № 83. P. 99–104.

³¹ *Gayling-Westphal B.* Op. cit. P. 40.

³² *Leal-Arcas R., Peykova M., Choudhury T., Makhoul M.* Energy Transit: Intergovernmental Agreements on Oil and Gas Transit Pipelines // *Renewable Energy Law and Policy Review*. 2015. № 6 (2). P. 128.

транзита энергоносителей по территории государств-участников. Однако во многих из этих соглашений не раскрывается термин «транзит», несмотря на то что он имеет ключевое значение. В некоторых соглашениях закреплены такие понятия, как «система транспорта» (transportation system) (Соглашение по нефтепроводу БТД), «транспортировка» (transmission) (соглашения между Австрией, Венгрией, Болгарией, Румынией и операционными партнерами газопровода «Набукко»), transportation (Соглашение между Турцией и операционными партнерами газопровода «Набукко»). Д. Азария полагает, что применение в текстах некоторых частноправовых соглашений о трубопроводах термина «транспортировка» вместо термина «транзит» допустимо, и отмечает, что некоторые частные соглашения о трубопроводах содержат общее определение термина «транзит», закрепленного в Конвенции о защите Средиземного моря от загрязнения 1976 г., ст. V Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. и ст. 7 Договора к Энергетической хартии. В других соглашениях используется термин «транспортировка по трубопроводу» вместо термина «транзит». Однако транспортировка по трубопроводу также предполагает транзит в соответствии с понятием транзита согласно Конвенции о защите Средиземного моря от загрязнения 1976 г., Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. или Договора к Энергетической хартии³³.

3. *Предоставление благоприятного налогового режима.* В рассматриваемых соглашениях особое внимание уделено налоговым вопросам — предоставлению благоприятного налогового режима. Во многих анализируемых соглашениях признается важность обеспечения принципа разумности тех или иных сборов и создания благоприятного налогового режима для операционных партнеров (ст. 2 Соглашения по нефтепроводу БТД, ст. 7 Соглашения «Набукко», ст. 1 Соглашения по нефтепроводу Баку — Супса).

Налоговые вопросы (их виды, необходимые документы) в основном более подробно закреп-

ляются в соглашениях между правительствами государств — участников того или иного соглашения по трубопроводному проекту и операционными партнерами.

Операционные партнеры, грузоотправители или иные лица, деятельность которых связана с трубопроводными проектами, а также энергоносители, транспортируемые по трубопроводам, освобождаются от прямого или косвенного налогообложения. Исключения составляют налог на прибыль операционных партнеров и сборы, предусмотренные для получения тех или иных документов.

В некоторых соглашениях есть и иные льготы. Так, в соответствии со ст. 5 Соглашения по нефтепроводу БТД платежи юридических лиц, созданных операционными партнерами нефтепровода за пределами территории прохождения нефтепровода, т.е. за пределами территории Азербайджана, Грузии и Турции, также освобождаются от налогообложения.

В статье 11 Соглашения «Набукко» предусмотрено предоставление государствами-участниками операционным партнерам не менее благоприятного налогового режима, чем тот, который они предоставляют своим гражданам или отечественным юридическим лицам. В соглашениях между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операционными партнерами отдельные положения про налогообложение отсутствуют, но предусмотрено продолжение переговоров по подписанию отдельного соглашения между сторонами по налогам (ст. 21 соглашений между Венгрией, Болгарией, Румынией и операционными партнерами газопровода «Набукко», ст. 22 соглашений между Турцией, Австрией и операционными партнерами газопровода «Набукко»).

При предоставлении благоприятного налогового режима для инвесторов тех или иных проектов необходимо учитывать, что транзитные государства также должны иметь возможность получить экономическую выгоду от энергетического проекта³⁴. С этой точки зрения государства — участники проекта придержива-

³³ Azaria D. *Treaties on transit of energy via pipelines and countermeasures*. Oxford University Press, 2015. P. 30.

³⁴ Gayling-Westphal B. *Op. cit.* P. 83.

ются разумности тех или иных сборов в области транзита энергоносителей, тем самым создавая благоприятные условия для сотрудничества между ними и инвесторами.

4. *Обеспечение безопасности.* В соглашениях по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса особое значение придается обеспечению безопасности трубопроводов, лиц, деятельность которых тем или иным образом связана со строительством и эксплуатацией трубопроводов, а также транспортируемой по ним нефти. В Соглашении «Набукко» не уделено внимания вопросам обеспечения безопасности. Однако в соглашениях между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операционными партнерами стороны взяли на себя обязательство по принятию мер в области обеспечения безопасности трубопровода, газа, транспортируемого по нему, а также лиц, деятельность которых связана с проектом.

5. *Добросовестное выполнение принятых обязательств.* В рассматриваемых соглашениях по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса, газопроводу «Набукко» особая роль отведена также приверженности государств-участников принципу *pacta sunt servanda* и готовности выплатить быструю, эффективную и адекватную компенсацию за любой экономический ущерб, понесенный другой стороной в результате нарушения данного принципа одной из сторон. Кроме того, закрепляются форс-мажорные обстоятельства, исключающие ответственность сторон за нарушение данного принципа: 1) стихийные бедствия; 2) военные операции между государствами, где государства — участники анализируемых соглашений по трубопроводным проектам не выступают в качестве инициатора военных действий; 3) эмбарго, введенное другими государствами.

6. *Стандарты.* В рассматриваемых соглашениях по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса, газопроводу «Набукко» предусмотрено сотрудничество сторон в области принятия специальных технических и экологических стандартов, а также стандартов безопасности при реализации тех или иных проектов. Этот аспект важен, поскольку такие стандарты, закрепленные в нормативных правовых

актах прикаспийских государств, существенно различаются.

7. *Урегулирование споров.* Соглашениями по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан, Баку — Супса и газопроводу «Набукко» предусмотрены два механизма урегулирования споров.

Первый механизм касается урегулирования споров между государствами-участниками. Он включает в себя рассмотрение споров специальной комиссией, в которую входят один (ст. 6 Соглашения по нефтепроводу Баку — Супса) или два (иные соглашения) представителя от каждого государства-участника. Если спор не будет урегулирован дипломатическим путем или комиссией, то государства-участники сохраняют за собой право передать спор на рассмотрение арбитражного суда *ad hoc* в соответствии со ст. 27 Договора к Энергетической хартии. Решения арбитражного суда *ad hoc* обязательны для сторон.

Второй механизм предназначен для урегулирования споров между правительствами государств-участников и операционными партнерами. В анализируемых соглашениях предусмотрено три варианта урегулирования таких споров:

1) рассмотрение спора Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) в соответствии с Вашингтонской конвенцией МЦУИС 1965 г. и Арбитражным регламентом МЦУИС (например, в соответствии со ст. 17 соглашений между правительствами государств — участников Соглашения по нефтепроводу БТД и операционными партнерами);

2) вынесение решения по спору в соответствии с Арбитражным регламентом Международной торговой палаты — если спор не может быть рассмотрен в арбитражном порядке МЦУИС (например, в соответствии со ст. 17 соглашений между правительствами государств — участников Соглашения по нефтепроводу БТД и операционными партнерами, ст. 35 соглашений между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операционными партнерами);

3) вынесение решения по спору в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ от 1976 г. (например, в соответствии со ст. 13

Соглашения между Грузией и операционными партнерами нефтепровода Баку — Супса).

Выводы

Таким образом, реализация ряда рассмотренных трубопроводных проектов в Каспийском регионе подтверждает значительную роль международного права в регулировании международного энергетического сотрудничества³⁵, обеспечении интересов не только государств — участников трубопроводных проектов, но и операционных партнеров (нефтегазовых компаний).

Выявленные юридические факты (невступление в силу Конвенции 2018 г. и Протокола по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря 2018 г.) и правовые пробелы Конвенции 2018 г. свидетельствуют о том, что правовой режим трансграничных трубопроводов по дну Каспийского моря на данный момент окончательно не сформировался и соответствующие нормы нуждаются в развитии.

Представляется, что необходимо в дополнительном протоколе к Конвенции 2018 г. комплексно, учитывая различия в правовом режиме пространств Каспийского моря, урегулировать вопросы прокладки трубопроводов в Каспийском море, юрисдикции в отношении данных

объектов, их защиты и обеспечения безопасности, правила ремонта и поддержания в исправности трубопроводов. Особое внимание необходимо уделить понятийному аппарату.

Механизмы правового регулирования отдельных трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе включают: заключение международных договоров государствами — участниками проектов о строительстве, транспортировке нефти или газа, присоединение государств (в случае расширения проекта); заключение соглашений между государствами — участниками проектов (их правительствами) и операционными партнерами; установление правовой взаимосвязанности между данными видами правовых актов посредством международных договоров; обеспечение свободы транзита; предоставление благоприятного для операционных партнеров налогового режима; регулирование принятия стандартов; механизм урегулирования споров и др. Механизмы правового регулирования трубопроводных проектов, примененные в Каспийском регионе, способствуют долгосрочному сотрудничеству государств и операционных партнеров, обеспечению рентабельности трубопроводных проектов и могут быть учтены в процессе подготовки и реализации новых трубопроводных проектов в Каспийском регионе и других регионах. Они подтверждают большую роль международного права в реализации трансграничных трубопроводных проектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батырь В. А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря // *Lex russica*. — 2019. — № 9 (154). — С. 51–62.
2. Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // *Труды ВНИРО*. — 2018. — № 174. — С. 129–142.
3. Гликман О. В. Тенденции развития источников международного энергетического права // *Международное право : учебник для аспирантуры*. — М. : Издательство РУДН, 2022. — 431 с.
4. Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. — М. : Международные отношения, 2009. — 200 с.
5. Жильцов С. С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений (90-е годы XX века) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. — Москва, 2004. — 335 с.

³⁵ См. подробнее: Гликман О. В. Тенденции развития источников международного энергетического права // *Международное право : учебник для аспирантуры*. М. : Издательство РУДН, 2022. С. 400–428.

6. Косов Г. В., Литвишко О. М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. — 2015. — № 6 (36). — С. 111–117.
7. Мамедов Р. Ф. Международно-правовое содержание и значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 // Проблемы постсоветского пространства. — 2019. — № 6 (2). — С. 175–194.
8. Молчаков Н. Ю., Гликман О. В. Разведка и разработка нефтегазовых ресурсов в Каспийском море: вопросы правового регулирования // Сравнительная политика. — 2022. — № 13 (1–2). — С. 58–79.
9. Нусенова А. Ж. Правовой статус Каспийского моря: право на недропользование // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 1 (59). — С. 364–369.
10. Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. — 2020. — № 1. — С. 9–19.
11. Толстых В. Л. Международно-правовой режим Каспийского моря: динамика и проблемы квалификации // Международное правосудие. — 2024. — Т. 14. — № 1 (49). — С. 110–135.
12. Уршуля М. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.10. — М., 2016. — 198 с.
13. Azaria D. Treaties on transit of energy via pipelines and countermeasures. — Oxford University Press, 2015. — 336 p.
14. Gayling-Westphal B. Intergovernmental Agreements and Host Government Agreements on Oil and Gas Pipelines. A Comparison / Energy Charter Secretariat. — 2015. — 846 p.
15. Kaya I. S. Evaluation of Tanap Agreements in Terms of International Law and Expropriation Law // Bilig. — 2017. — № 83. — P. 99–119.
16. Leal-Arcas R., Peykova M., Choudhury T., Makhoul M. Energy Transit: Intergovernmental Agreements on Oil and Gas Transit Pipelines // Renewable Energy Law and Policy Review. — 2015. — № 6 (2). — P. 122–162.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batyr V. A. Sbalansirovannyi sovremennyyi osobyi mezhdunarodno-pravovoy status Kaspiyskogo morya // Lex russica. — 2019. — № 9 (154). — S. 51–62.
2. Bekyashev K. A., Bekyashev D. K. Novyy mezhdunarodno-pravovoy rezhim Kaspiyskogo morya // Trudy VNIRO. — 2018. — № 174. — S. 129–142.
3. Glikman O. V. Tendentsii razvitiya istochnikov mezhdunarodnogo energeticheskogo prava // Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya aspirantury. — M.: Izdatelstvo RUDN, 2022. — 431 s.
4. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. SShA v pogone za Kaspiem. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. — 200 s.
5. Zhiltsov S. S. Kaspiyskiy region kak geopoliticheskaya problema sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy (90-e gody XX veka): dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.04. — Moskva, 2004. — 335 s.
6. Kosov G. V., Litvishko O. M. Kaspiyskiy region v sisteme mezhdunarodnykh regionov // Vestnik VolGU. Seriya 4, Istoriya. — 2015. — № 6 (36). — S. 111–117.
7. Mamedov R. F. Mezhdunarodno-pravovoe sodержanie i znachenie Konventsii o pravovom statuse Kaspiyskogo morya ot 12.08.2018 // Problemy postsovetского prostranstva. — 2019. — № 6 (2). — S. 175–194.
8. Molchakov N. Yu., Glikman O. V. Razvedka i razrabotka neftegazovykh resursov v Kaspiyskom more: voprosy pravovogo regulirovaniya // Sravnitel'naya politika. — 2022. — № 13 (1–2). — S. 58–79.
9. Nusenova A. Zh. Pravovoy status Kaspiyskogo morya: pravo na nedropolzovanie // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. — 2020. — № 1 (59). — S. 364–369.
10. Tolstykh V. L. Pravovoy rezhim Kaspiyskogo morya po Konventsii 2018 g. i interesy prikaspiyskikh gosudarstv // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 1. — S. 9–19.

11. Tolstykh V. L. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim Kaspiyskogo morya: dinamika i problemy kvalifikatsii // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2024. — Т. 14. — № 1 (49). — С. 110–135.
12. Urshulya M. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim transgranichnykh truboprovodov: dis. ... kand. yurid. nauk.: 12.00.10. — М., 2016. — 198 s.
13. Azaria D. Treaties on transit of energy via pipelines and countermeasures. — Oxford University Press, 2015. — 336 p.
14. Gayling-Westphal B. Intergovernmental Agreements and Host Government Agreements on Oil and Gas Pipelines. A Comparison / Energy Charter Secretariat. — 2015. — 846 p.
15. Kaya I. S. Evaluation of Tanap Agreements in Terms of International Law and Expropriation Law // Bilig. — 2017. — № 83. — P. 99–119.
16. Leal-Arcas R., Peykova M., Choudhury T., Makhoul M. Energy Transit: Intergovernmental Agreements on Oil and Gas Transit Pipelines // Renewable Energy Law and Policy Review. — 2015. — № 6 (2). — P. 122–162.